

— Хендэ хох!

После некоторого замешательства в ответ — расплывчатая улыбка:

— Мы разведчики от Балтийского флота, заброшены в соседний район, на группы напали каратели, еле ушли от преследователей, теперь ищем своих.

По одежде и амуниции было видно, что здесь кроется обман. Изъяв у «новых знакомых» оружие, повели их в лагерь. Один из задержанных сразу же попросился «до ветру». Через несколько минут раздалось несколько выстрелов, затем появился разведчик и, опустив голову, произнес: «Не удержал...»

Семенов (так назвал себя напарник убежавшего) упал на колени перед командиром:

— Не стреляйте, все расскажу.

... Пикалкас и Семенов действительно забрасывались в тыл противника, но были завербованы гестапо и натворили немало черных дел. Не без их помощи погиб партизанский отряд, сформированный руководством района перед оккупацией. Семенов, конечно, рассказал все, но это не спасло его от заслуженной кары.

Каратели, что называется, сели нам на «хвост». Отбиваться от них мы не могли прежде всего по роду нашего задания. Надо было собирать сведения о дислокации немецких частей, их численности, вооружении, предполагаемых действиях. Этого можно было достичь путем хорошо поставленной агентурной разведки, ежедневного наблюдения за железной дорогой, захватом «языков». Вступить в бой — значит, сорвать выполнение задания, о котором ежедневно докладывалось по радиации в Ленинград. Решили своеобразным способом отвлечь от себя внимание гитлеровцев.

Узнав о следовании в сторону фронта важного эшелона с артиллерией и личным составом, группе из 6 человек поручили подорвать его между станциями Кикерино и Елизаветино. Сложность заключалась в том, что путь жестко охранялся: на километр пути — два парных патруля.

С наступлением темноты, подождав, пока следовавшие навстречу друг другу солдаты встретились, а затем удалились на почтительное расстояние, мы выскочили на полотно и принялись армейскими ножами рыть нишу под шпалой. Грунт собирали на плащ-палатку. До возвращения патрулей успели уложить 10 кг взрывчатки и надежно замаскировать заряд. Осталось ждать до утра — работает —

не сработает? (Ночью в прифронтовой зоне движение поездов прекращалось). Мне, пацану, любопытно было наблюдать, как взрывная волна подняла вверх и сбросила под откос паровоз и первый вагон, валились следующие платформы и вагоны, срывались орудия...

После разгрома гитлеровцев на Курской дуге гестаповцы буквально озверели: жгли деревни, гнали народ в Германию, расстреливали невинных людей. Из штаба партизанского движения поступила команда: взять начальника гестапо Тауберта и переправить в Ленинград. Группа во главе с Василием Борисенко сделала засаду в полукилометре от деревни около участка дороги с непролазной грязью, поближе к населенному пункту. Машина шефа гестапо забуксовала. Тауберт выбрался из нее, что — то прокричал командиру, и не спеша направился в деревню. Когда он приблизился к группе захвата, по немцам, возившимся у застрявших машин, из засады открыли ураганный огонь. В завязавшейся перестрелке «спеленать» шефа гестапо особого труда не составило.

Фронтowymi дорогами мне пришлось пройти Прибалтику, участвовать в жестоких боях при прорыве обороны противника севернее Тарту, освобождении одного из островов Моонзундского архипелага, блокировании группировки немецких войск на Курляндском полуострове...

Курская Правда, 6 мая, 1999г.

Н. Еремина¹

В горниле войны

В Верхних Деревеньках Льговского района помнят, как в дни немецкой оккупации на одиннадцатом километре железной дороги Льгов — Готня в схватке с врагами погибла группа подпольщиков. За помощь им была расстреляна семья обходчика Ромашова. И только один четырнадцатилетний Вася Ромашов чудом спасся. По заданию командира Владимира Ильича Грудинкина ходил он в соседние села на разведку, расклеивал листовки, был связным. Вася познакомился с

¹ Надежда Ивановна Еремина работала научным сотрудником Курского областного партийного архива, после ухода на пенсию — лаборантом на кафедре истории и политэкономии КГМУ